

На правах рукописи

Жукова Вероника Сергеевна

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ
СЕВЕРЕ РОССИИ в 1920-х годах

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ярославль – 2007

Работа выполнена на кафедре отечественной истории ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет».

Научный руководитель – заслуженный деятель науки РФ,
доктор исторических наук, профессор
Безнин Михаил Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Иерусалимский Юрий Юрьевич,

кандидат исторических наук
Гулин Константин Анатольевич

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Вологодская государственная
молочнохозяйственная академия
им. Н. В. Верещагина»,
кафедра истории России.

Защита состоится «28» мая 2007 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.002.01 в ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 10, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Автореферат разослан « _____ » апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Марасанова В.М.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Проблема материального положения крестьянства России на этапе восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны после Первой мировой войны и революции занимает видное место среди главных проблем отечественной исторической науки. Период нэпа (1921 – 1928/29 гг.) стал последним этапом существования традиционного крестьянского сообщества с преобладанием единоличной формы ведения хозяйства и господством общинной организации.

С конца XX века в России стала возрастать роль индивидуальных хозяйств в производстве сельхозпродукции, в связи с этим исследователи все чаще обращаются к истории доколхозного крестьянства. Нужно отметить, что существует явная мифологизация возможностей крестьянского двора 1920-х гг. Поэтому проблема пределов развития индивидуального крестьянского хозяйства с имеющейся на тот момент материально-технической базой остается открытой. В свете этого материальное положение, источники пополнения ресурсов двора, структура его расходов и другие проблемы, связанные с уровнем жизни, очень показательны для изучения строя крестьянского хозяйства периода нэпа. Без их всестороннего освещения глубокое понимание характера эволюции российского крестьянства не представляется возможным.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является крестьянство Европейского Севера России в 1920-е гг., предметом – крестьянское хозяйство, которое характеризуется с точки зрения эволюции материального положения крестьянской семьи. Под материальным положением понимаются уровень потребления населением материальных и духовных благ и степень удовлетворения потребностей в этих благах на данной ступени развития материального производства.

Хронологические рамки исследования обусловлены, с одной стороны, принятой научной периодизацией истории советского общества, по которой 1921 – 1928/29 гг. выделяются в особый этап. В этот период сохраняется относительный политический плюрализм, но уровень общественной свободы с каждым годом понижается. Одним из символов нижней границы периода можно считать выступление В.И. Ленина 8 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) с докладом «О замене разверстки натуральным налогом», которое вносило значительные изменения в принципы формирования материального положения двора. На протяжении периода нэпа страна неоднократно переживала кризисы, что привело к постепенному свертыванию новой экономической политики. Одним из показателей завершенности периода является постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое официально подтвердило переход к следующему этапу развития аграрной подсистемы страны, в том числе изменило политику формирования бюджета двора и другие характеристики материального положения крестьян.

Территориальные рамки работы охватывают Север Европейской части России. Природно-климатическое своеобразие, особенности социально-экономического,

историко-культурного и хозяйственного развития данного региона дают возможность выделить его в особый экономический район. В 1917 г. в регион входили три губернии – Архангельская, Вологодская и Олонецкая. В марте 1918 г. на части территории Новгородской губернии была образована Череповецкая губерния¹. Традиционно исследователи к Европейскому Северу России относят территории Вологодской, Северо-Двинской, Архангельской губерний, АО Коми и Карельской АССР. В то же время за рамками исследований остается довольно большая часть современной Вологодской области – ее западная часть, что, на наш взгляд, не вполне оправданно и требует включения в перечень изучаемых регионов Череповецкой губернии.

Несмотря на нестабильность административного устройства Европейского Севера, ему, как единому экономическому району, были присущи общие черты, что дает возможность рассматривать крестьянское хозяйство здесь как типичный институт, характеризующийся определенным сходством основных черт материального положения.

Историография проблемы. В развитии отечественной историографии данной темы можно выделить несколько этапов.

Первым этапом являются 1920-е гг., когда появилось большое количество работ, посвященных послереволюционной деревне. Данный этап характеризовался многообразием концепций и оценок политического курса государства в отношении российской деревни.

Большой вклад в изучение крестьянского хозяйства внесли экономисты А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко, С.А. Клепиков, Б.Д. Бруцкус, Н.П. Макаров, С.М. Дубровский и другие². Так, А.В. Чаянов подробно останавливался на факторах доходности крестьянских хозяйств. Мотивацией крестьянского труда в своем хозяйстве, по его мнению, было потребление произведенных продуктов. Весьма важны и интересны для изучения бюджетов крестьянства работы экономиста С.Г. Струмилина³. Он подверг анализу бюджет времени и бюджет самого крестьянского хозяйства.

Учреждение и функционирование в 1920-е гг. краеведческих обществ содействовало формированию регионального направления в изучении крестьянского хозяйства. На Европейском Севере России в 1920-е гг. вышли работы А.Г. Дербенева, Д.И. Деларова, И.Н. Бакулина, Н.В. Воленса,

¹ Справка об изменениях в административно-территориальном устройстве Вологодской области // Вологодская область: Административно-территориальное устройство на 1 января 2000 г.: Официальный справочник. – Вологда, 2001. – С. 292.

² Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М., 1989; Он же. Основные проблемы экономической статистики и динамики. – М., 1991; Клепиков С.А. Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. – М., 1917; Он же. Сельское хозяйство России в цифрах. – М., 1923; Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. – М., 1920 – Т. I.; Литошенко Л.Н. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. – М., 1923. – № 75. – С. 41 – 42; Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. – М., 1923; Он же. Организация крестьянского хозяйства. – М., 1925.

³ Струмилин С.Г. Бюджет времени русского крестьянина // Бюллетень Госплана. – 1923. – № 8 – 9. – С. 13 – 30.; Он же. Годовой бюджет времени крестьянина // Время. – М., 1923. – № 2. – С. 37 – 41.; Он же. Бюджет крестьянского хозяйства в революционное время 1917 – 1920 гг. // Экономическое строительство. – М., 1923. – Кн. 7 (№ 11 – 12, № 13 – 14) – С. 157 – 174; Он же. Наемный труд в сельском хозяйстве. – М., 1926; Он же. Очерки советской экономики. – М.; Л., 1928.

Л.И. Кристина и других, в которых описывалось крестьянское хозяйство, а также материальное положение крестьян на Европейском Севере России⁴.

Второй этап историографии проблемы охватывал период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. В 1930-е гг. интерес к вопросам аграрной истории доколхозного периода резко снизился. Эта тенденция не менялась до второй половины 1950-х гг. Вышедшие в эти годы работы по истории нэпа единичны и, за исключением статьи М.Н. Черноморского, напрямую не затрагивают вопросов материального положения крестьянства⁵.

С конца 1950-х гг. начался третий период в развитии историографии по данной теме, который продолжался до середины 1970-х гг. Существенные вопросы истории деревни 1920-х гг. рассмотрены в работах В.А. Голикова, В.П. Данилова, С.П. Трапезникова, А.Ф. Чмыги, В.Н. Яковцевского, П.Н. Першина, Ю.А. Полякова и других⁶. Вопросы материального положения крестьянства затронуты и в коллективном труде «Советское народное хозяйство в 1921 – 1925 гг.»⁷.

Четвертый период в развитии историографии темы исследования охватывает время со второй половины 1970-х до конца 1980-х гг. Крупнейшим исследованием этого периода являются работы В.П. Данилова⁸. Опираясь на обширный статистический материал сельскохозяйственных переписей, весенних опросов, выборочных обследований и бюджетов, В.П. Данилов проанализировал важнейшие стороны жизнедеятельности деревни 1920-х годов. В 1981 г. появляется исследование Ю.П. Бокарева «Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник», в котором рассматриваются история, особенности источниковедения бюджетных обследований. В 1970 – 1980-е гг. был

⁴ Воленс Н.В. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края (Отчет рекогносцировочного экономического исследования за 1921 г.). – М.; Л., 1924; Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1924/25 году на основе изучения его бюджета. – Великой Устюг, 1925. Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. – Вологда, 1923. – Т. II. – № 3; Кристин Л.И. Условия развития молочного хозяйства в бывшем Вологодском уезде // Труды Северной областной сельскохозяйственной станции. – Вологда, 1926. – Вып. V. – С. 1 – 57; Бакулин И.Н. К изучению крестьянского хозяйства в молочном районе // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. – Вологда, 1927. – Бюллетень № 66. – С. 1 – 57.

⁵ Черноморский М.Н. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как исторический источник по истории социально-экономических отношений в деревне в годы нэпа // Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1954. – Т. 7.; Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921 – 22 гг.). – М., 1954; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921 – 1925 гг.). – М., 1955; Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956; Gladkov I.A. Очерки советской экономики 1917 – 1920 гг. – М., 1956 и др.

⁶ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М., 1957; Он же. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. – М., 1974. – Т. 94. – С. 55 – 122; Яковцевский В.Н. Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. – М., 1964; Першин П.Н. Аграрная революция в России (1917 – 1918 гг.). – М., 1966. – Книжки 1, 2; Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. – М. 1967; Он же. К вопросу о содержании и этапах аграрной революции в СССР // Вопросы истории. – 1962. – № 8. – С. 204 – 210 и др.

⁷ Советское народное хозяйство в 1921 – 1925 гг. – М., 1960.

⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М., 1979.

защищен ряд диссертаций о материальном положении крестьянства, в том числе и Европейского Севера первых десятилетий XX века⁹.

Пятый этап историографии крестьянства периода новой экономической политики начался с конца 1980-х гг. и продолжается до настоящего времени. В многотомнике «История советского крестьянства», работах М.Я. Пашенко, Л.И. Пересторонина, Е.М. Скворцова, М.Н. Новикова, С.В. Виноградова, Ю.П. Бокарева, В.В. Кабанова, С.И. Шубина, Г.Ф. Доброноженко, М.П. Широковой и других рассмотрены вопросы политики государства в отношении крестьянского хозяйства, уровня жизни дворов, методы изучения бюджетов дворов и т. д.¹⁰

Из новейших исследований, затрагивающих проблематику материального положения двора Европейского Севера, можно отметить работы В.А. Саблина¹¹. Он исследует эволюцию типов крестьянских дворов, анализирует факторы и структуру производства, воздействие государственной политики на изменение экономических параметров и условия для модернизации сельского домохозяйства.

Анализ историографии приводит к выводу о том, что дальнейшее изучение советской доколхозной деревни требует исследования материального положения крестьянского двора, структуры семейного бюджета, источников его формирования, обеспеченности крестьянских хозяйств капиталами, постройками, скотом и птицей, орудиями труда, домашним имуществом.

⁹ Просвирина Г.И. Крестьянское хозяйство Европейского Севера в конце XIX – начале XX века (По материалам Вологодской губернии): Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1982; Халимова Э.С. Динамические переписи крестьянских хозяйств 1920 – 29 гг. как исторический источник по социально-экономической истории советской доколхозной деревни: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1977.

¹⁰ Пашенко М.Я. Государство и крестьянское хозяйство в период нэпа // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. – Воронеж, 1994. – Вып. 11. – С. 28 – 33; Пересторонина Л.И. Историческая динамика крестьянских хозяйств на Урале в годы нэпа (к вопросу о методологии и итогах изучения) // Уральское село в XX веке. – Екатеринбург, 1994. – С. 25 – 34; Скворцова Е.М. Моделирование тенденций развития крестьянского хозяйства по материалам бюджетных обследований Московской области за 1925/26 г. // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. – М., 1994. – С. 129 – 158; Новиков М.Н. Исторический опыт нэпа: идеи и реальность. – М., 1997; Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996; Он же. Мелкотоварное крестьянское хозяйство Поволжья в 20-е гг. – М., 1998; Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М., 1989; Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988; Шубин С.И. Раскрестьянивание на Севере: политика против экономики // Крестьянство и власть на Европейском Севере России. – Вологда, 2003. – С. 153 – 157; Доброноженко Г.Ф. Сельскохозяйственное производство в северной деревне в середине 1920-х годов // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. – Сыктывкар, 1989. – С. 139 – 143; Она же. Северная деревня в середине 1920-х годов: сельскохозяйственное производство и материальное положение крестьянских хозяйств // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). – Вологда, 1992. – С. 16 – 24; Широкова М.П. К вопросу о бюджете крестьянских хозяйств и социальном расслоении северной деревни в конце 1920-х годов // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). – Вологда, 1992. – С. 24 – 35 и др.

¹¹ Саблин В.А. Уровень благосостояния крестьянства Европейского Севера РСФСР в 1917 – 1921 годах // Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). – Вологда, 1992. – С. 3 – 15; Он же. Крестьянское животноводство на Европейском Севере в 1917 – 1920-е гг. // Сборник научных работ к 50-летию Михаила Алексеевича Безнина. Проблемы экономической и социальной истории: общероссийский и региональный аспекты (XIX – XX вв.). – Вологда, 2004. – 60 – 73; Он же. Экономика крестьянского хозяйства на Европейском Севере России в 1920-е годы (к проблеме модернизации аграрной подсистемы). – Вологда, 2006 и др.

Целью диссертационного исследования является изучение материального положения крестьянства Европейского Севера России 1920-х годов путем решения следующих задач:

- выявления количественных и качественных изменений в бюджете крестьянского двора;
- определения изменений в структуре доходов и расходов в крестьянском хозяйстве во время восстановительного процесса в стране;
- установления изменений соотношения земледельческих и неземледельческих занятий крестьянства и анализа их влияния на материальное положение сельских тружеников;
- рассмотрения динамических изменений в капитале крестьянского хозяйства, изучения его структуры;
- установления взаимосвязи личного и хозяйственного потребления крестьянского двора.

Методология работы основана на принципах научной объективности и историзма. Данные принципы предполагают рассмотрение объекта во временной динамике с учетом исторического фона и накопленных знаний к моменту исследования. Основопологающим методологическим подходом диссертационного исследования является системный подход, в соответствии с которым выявляется взаимосвязь между происходящими в стране явлениями и изменениями в основных компонентах крестьянского хозяйства, а также материальным положением крестьян на Европейском Севере России. При написании диссертации применялись общенаучные и специальные исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический, диахронный, синхронный, количественный, методы источниковедческого анализа (выявление, отбор, критика происхождения и содержания источника).

Изучение темы базируется на концепции семейно-трудового крестьянского хозяйства. Данная концепция была разработана в рамках организационно-производственной школы (в работах А.В. Чаянова, Н.П. Макарова и А.Н. Челинцева). В 1960 – 1980-х гг. положения организационно-производственной теории были развиты в концепции «моральной экономики», разработанной Э. Вольфом, Дж. Скоттом и другими авторами, которые в центре анализа крестьянской жизнедеятельности поставили «этику выживания», проистекающую из потребительских нужд семьи и функционирования крестьянского хозяйства¹².

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и архивные документы. При написании диссертации использовались материалы 15 фондов двух федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и трех региональных архивов: Государственных архивов Архангельской и Вологодской

¹²Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Вольф Э. Крестьяне // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 79 – 110; Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. – М., 1992. – С. 202 – 210.

областей (ГААО и ГАВО), Вологодского архива новейшей политической истории (ВОАНПИ).

Вся совокупность изученных и использованных по теме источников делится на несколько групп.

Первую группу источников составляют теоретические работы политических лидеров страны – В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого¹³.

Вторая группа источников включает в себя большей частью опубликованные нормативно-правовые документы, законодательные акты. Официальные решения, кодексы и другие источники данной группы опубликованы в специальных сборниках¹⁴.

Третья группа источников включает делопроизводственную документацию – положения, уставы, инструкции, номенклатуры дел, журналы, протоколы, стенограммы, деловую переписку, отчетные документы¹⁵. К середине 1920-х гг. происходят изменения в составе этого комплекса документов. На первый план выходят тематические документы: сводки, доклады и докладные записки по конкретным вопросам. Большое значение имело изучение комплекса материалов ВЧК – ОГПУ, документов отраслевых наркоматов, органов кооперации, профсоюзов¹⁶.

Четвертая группа источников, составивших основу диссертационного исследования, представляет собой статистико-экономические материалы. Наиболее оперативными формами этой группы источников были статистическая периодика («Бюллетень ЦСУ», «Вестник статистики», «Статистика труда»), а также сведения, публикуемые на страницах таких изданий, как «Власть Советов», «Известия ЦК РКП (б)». Нередко в центре и на местах выходили специальные статистические сборники¹⁷. В центре исследования также бюджетные обследования крестьянских

¹³ Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Избранные сочинения. – М., 1987. – Т. 10. – С. 34 – 35; Он же. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // Избранные сочинения. – М., 1987. – Т. 10. – С. 60 – 95; Он же. О кооперации // Избранные сочинения. – М., 1987. – Т. 10. – С. 385 – 392; Троцкий Л.Д. Основные задачи и трудности хозяйственного строительства (6 января 1920 г.) // К истории русской революции. – М., 1990. – С. 160 – 163; Он же. Новый курс // Там же. – С. 164 – 203; Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры. 1919 г. // Избранные произведения. – М., 1988. – С. 1 – 23 и др.

¹⁴ Аграрная политика в решениях съездов и конференций РКП (б) с 1917 по 1925 гг. – М.; Л., 1926; Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 – 1954 гг. – М., 1954; Декреты Советской власти. – М., 1957 – 1999. – Т. I – XIV; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. – № 1 – 69; 1920. – № 1 – 100.

¹⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 16. Д. 55; Ф. 406. Оп. 9. Д. 169, 547, 608, 674, 766 и др.; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70, 71, 98, 105, 334, 641, 659, 660, 711, 713, 714, 725, 772, 778, 808, 823, 836, 972, 919, 929, 1043, 1044, 1054, 1057, 1077, 1087, 1150, 1151, 1152, 1292, 1227, 1248, 1266, 1244, 1312, 1394 и др.; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 92, 105; Оп. 5. Д. 93; Оп. 6. Д. 106; Оп. 8. Д. 12А; Оп. 10. Д. 56 и др.

¹⁶ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939. Документы и материалы: В 4-х томах. Т. 1. (1918 – 1922) – М., 1998; Т. 2. (1923 – 1929) – М., 2000; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы: В 5 т. – М., 1999 – Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1939 и др.

¹⁷ Статистический справочник по Череповецкой губернии на 1925 г. – Череповец, 1925; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Северо-Двинской губернии. – Вятка, 1923; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917 – 1924 гг. – Вологда, 1926; 10 лет строительства Советской власти в Вологодской губернии. – Вологда, 1927; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Северо-Двинской губернии. – Вятка, 1923; Статистический справочник по Череповецкой губернии. – Череповец, 1926; Статистический сборник по Архангельской

хозяйств – подробное и детализированное описание, которое предусматривало регистрацию всех доходов и расходов двора, рыночного оборота продуктов, личное потребление, а также бюджет времени, затрачиваемого крестьянами на тот или иной вид деятельности.

Большой интерес для исследования материального положения крестьян Европейского Севера России имеют неопубликованные первичные материалы обследований крестьянских хозяйств, которые отложились в центральных и местных архивах (РГАЭ. Ф. 1562; ГАРФ. Ф. 374, 406; ГАВО. Ф. 143, 213; ГААО. Ф. 187, 2163, 220, 398; Отдел ДСПИ. ГААО. Ф. 1). Они подразделяются на несколько видов: материалы по статистике сельскохозяйственного производства (весенние и осенние переписи) за 1922/23, 1925/26, 1928/29 гг., динамические (гнездовые) переписи за 1927/28, 1928/29 гг., монографические описания крестьянских хозяйств 1919/20 г., бюджетные обследования 1923/24, 1926/27 гг. Основное содержание первичных материалов бюджетных обследований посвящено выяснению организации крестьянского хозяйства.

Еще одна группа используемых в диссертации источников – периодическая печать. В ней исследователь находит материал, разнообразный по жанрам, происхождению, содержанию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, всевозможную информацию (заметки-отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявления. Из вышеперечисленных источников в диссертации использовались материалы журналов 1920-х гг.: «Северное хозяйство», «Вестник статистики», «Кооперация Севера», «Северная деревня» и другие, газеты «Волна» – органа Архангельского губкома РКП(б). При написании диссертации использовались материалы 7 периодических изданий.

Научная новизна диссертации определяется избранной темой исследования. Данная работа является одной из первых попыток проведения обобщающего исследования материального положения крестьянства Европейского Севера России 1920-х гг. В диссертации поднимаются вопросы бюджета и потребления крестьянского хозяйства, структуры капиталов, обеспеченности крестьянского двора постройками, орудиями труда, скотом и другим имуществом. Для решения поставленных задач в научный оборот впервые вводятся разноплановые источники, которые выявлены в федеральных и региональных архивах.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы при дальнейшей разработке темы социально-экономического развития СССР и Европейского Севера России 1920-х годов. Введение в научный оборот неопубликованных источников способствует процессу накопления исторических знаний. Основные выводы и конкретно-исторический материал могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблеме социально-экономического развития северного региона в период новой экономической политики, в лекционном курсе по истории советского общества,

губернии. – Архангельск, 1925; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район... – М., 1926. – Труды ЦСУ. – Т. XXXI. и др.

при написании курсовых и дипломных работ, в процессе преподавания истории России и краеведения в школах.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в 8 опубликованных работах, в том числе в статье в научном журнале «Вестник Поморского университета» (в соответствии с перечнем ВАК Министерства образования и науки РФ), а также в выступлениях автора на двух Всероссийских конференциях: «Вузовская наука – региону» (Вологда, февраль 2003 г.) и «Крестьянство и власть на Европейском Севере России» (Вологда, февраль 2003 г.); на межрегиональных конференциях: «Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса» (Вологда, февраль 2004 г.), «1941 – 1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма» (Вологда, февраль 2005 г.), «Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы» (Вологда; Молочное, март 2006 г.), «Историческая наука в контексте социогуманитарного знания: традиции и современные подходы» (Череповец, март 2007 г.); на Научных чтениях памяти П.А. Колесникова (Вологда, октябрь 2002 г.),

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, которые в свою очередь состоят каждая из четырех параграфов, заключения, списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновываются актуальность, научная значимость темы, определены хронологические и территориальные рамки исследования, дается обзор историографии и источников, сформулированы цель и задачи диссертации.

Первая глава называется «Бюджет и потребление крестьянского хозяйства на Европейском Севере России в 1920-е годы».

В первом параграфе дается анализ важнейшей характеристики бюджета – доходов крестьянской семьи. Доход двора формировался из доходов от сельского хозяйства и от неземледельческих заработков. Он состоял из натуральной и денежной частей. Большая часть дохода приходилась на натуральную часть. До Первой мировой войны в среднестатистическом крестьянском хозяйстве Европейского Севера России она составляла 64,8%¹⁸. Натуральная часть дохода представляла собой продуктовые поступления от сельского хозяйства (растениеводства и животноводства), лесного хозяйства, луговодства. Денежная часть формировалась в основном из доходов от промыслов и продажи сельхозпродукции и составляла в среднестатистическом крестьянском хозяйстве Европейского Севера 35,2%. Примерно такое же соотношение натуральной и денежной частей сохранилось в 1920-е гг.

В Вологодской, Северо-Двинской и Череповецкой губерниях основную часть доходов приносило сельское хозяйство. В 1924/25 г. доходы от растениеводства в Вологодской губернии составляли 47,3%, в Северо-Двинской губернии – 49,1%, в

¹⁸ Рассчитано по: Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера) // Труды Вологодского молочно-хозяйственного института. – Вологда, 1923. – Т. II. – С. 23.

Череповецкой губернии – 41,6% от всех доходов крестьянского хозяйства. Доходы от животноводства в этом же году в Вологодской губернии составляли 26,6%, в Северо-Двинской – 27,8%, в Череповецкой – 25,7%¹⁹.

Доходы от неземледельческих заработков составляли в 1924/25 г. в Вологодской губернии – 26,1%, в Северо-Двинской – 23,1%, в Череповецкой – 32,6% всех доходов хозяйства. Доходы от промысловых занятий были более весомы в крестьянских дворах Архангельской губернии – в 1927/28 г., по данным гнездовой переписи, в среднестатистическом крестьянском хозяйстве они составляли 66,9%²⁰. Здесь аграрному производству отводилась вспомогательная роль, доля доходов от него составляла 33,1%. Ведение сельского хозяйства не могло полностью обеспечивать крестьян Архангельской губернии продуктами питания в силу природно-климатических особенностей этой территории. В зависимости от региона набор промысловых занятий и их вклад в доход крестьянских хозяйств варьировались. Так, в 1924/25 г. большой промысловый доход в Вологодской и Череповецкой губерниях крестьяне получали от лично-промысловых занятий и кустарно-ремесленных предприятий – 11,4% и 8,7% от всей валовой доходности хозяйства соответственно, в Северо-Двинской губернии доход давало лесоводство – 6,9%. Кроме этих промысловых занятий, крестьяне получали доходы от рыболовства и охоты (менее 1%), заработка в чужом сельском хозяйстве (около 2 – 3%), от извоза (в Вологодской губернии – около 2,5%, в Череповецкой – 1,4%, в Северо-Двинской – менее 1%). В Череповецкой губернии, в отличие от Вологодской и Северо-Двинской, крестьяне получали доход от заготовки и вывоза леса – 5,6%, столько же от службы в советских учреждениях и от работы в промышленности²¹.

Кроме вопросов формирования доходной части бюджета, в первом параграфе диссертации рассматриваются вопросы соотношения доходов крестьян в частном и обобществленном секторах хозяйственной деятельности, эволюция условно-чистого дохода, товарность крестьянских хозяйств.

В целом крестьянский двор Европейского Севера России в 1920-е гг. сохранял дореволюционную структуру доходной части бюджета. В то же время постепенно крестьянское хозяйство, несмотря на натурально-потребительский характер производства в 1920-е годы, втягивалось в рыночные отношения.

Во втором параграфе рассматривается структура расходов крестьянского хозяйства. Доход, получаемый крестьянской семьей, шел на удовлетворение личных потребностей и производственные затраты, связанные с функционированием хозяйства.

¹⁹ Рассчитано по: Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917 – 24 гг. – Вологда, 1926. – С. 353, 355 – 361; Краткий статистический справочник Северо-Двинской губернии. – Великий Устюг, 1926. – С. 46 – 49; Статистический справочник по Череповецкой губернии. – Череповец, 1926. – С. 114 – 116.

²⁰ Рассчитано по: ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1937. Л. 17.

²¹ Рассчитано по: Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917 – 24 гг. – Вологда, 1926. – С. 353, 355 – 361; Краткий статистический справочник Северо-Двинской губернии. – Великий Устюг, 1926. – С. 46 – 49; Статистический справочник по Череповецкой губернии. – Череповец, 1926. – С. 114 – 116.

Расходы двора подразделялись на несколько типов. Производственные расходы включали в себя расход семян на посев, расход кормов, расход на починку и покупку орудий, машин и пр. В среднестатистических крестьянских хозяйствах Европейского Севера России до Первой мировой войны производственные расходы составляли 49,6% всех расходов²². В 1920-е гг. их доля снижается. В Череповецкой губернии за 1919/20 г. данный тип расходов в среднем составлял 39%, в Вологодской и Северо-Двинской губерниях в 1923/24 г. – 20,2% и 19,1% соответственно²³.

Личные расходы предназначались для удовлетворения потребностей семьи и включали в себя расходы на покупку хлеба, мяса, дров, ситца, керосина, спичек и т. д. Данные расходы в среднестатистическом крестьянском хозяйстве Европейского Севера России до Первой мировой войны составляли 50,4% всех расходов двора. В Череповецкой губернии в 1919/20 г. доля личных расходов составляла 51,2%, в 1923/24 г. в Вологодской губернии – 73,5%, в Северо-Двинской – 75,0% всех расходов²⁴.

Еще один тип расходов – разные расходы – включал в себя уплату налогов, затраты на лечение семьи, скота, страховку, покупку книг и газет и т. д. Данный тип расходов в среднестатистическом крестьянском хозяйстве Череповецкой губернии в 1919/20 г. составлял 9,8% всех расходов. В 1923/24 г. в Вологодской губернии разные расходы составляли 6,3%, в Северо-Двинской – 5,9% от всех расходов двора. Из этих расходов большая часть приходилась на уплату налогов: в Вологодской губернии – 4,3%, в Северо-Двинской – 3,7%²⁵.

На протяжении 1920-х годов структура расходов двора сохранялась. Так, в Череповецкой губернии в 1925/26 г. производственные расходы составили около 20%, личные – около 76%, разные – около 4%²⁶. Основную часть затрат крестьянской семьи составляли натуральные расходы. Доля денежных расходов крестьянской семьи была невелика.

В данном параграфе рассматриваются особенности в расходных статьях малопосевных и многопосевных хозяйств. Так, в Череповецкой губернии в 1919/20 г. большее количество хозяйственных расходов производили хозяйства с посевом до 2 десятин (40,9% от всех расходов двора), на личные потребности у них приходилось 51,9% расходов двора, на прочие расходы – 7,2%. Меньшее количество расходов на личное потребление было у дворов с 3 и более десятинами посева – 47,3%, на хозяйственные нужды они тратили 38,6% расходов двора²⁷.

Таким образом, основная часть средств в крестьянских хозяйствах Европейского Севера России в 1920-е гг. шла на удовлетворение личных

²² Рассчитано по: Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера)... – С. 26.

²³ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 8 – 8 об.; Материалы по статистике Череповецкой губернии. – Череповец, 1922. – Вып. 2. – С. 40; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г... – С. 277 – 287.

²⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 8, 8 об., 9; Д. 913. Л. 5 об.

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Рассчитано по: Статистический справочник 1927 г. – Устюжна, 1927. – С. 111 – 117.

²⁷ Рассчитано по: Материалы по статистике Череповецкой губернии. – Череповец, 1922. – Вып. 2. – С. 40.

потребностей хозяина двора и его семьи. На втором месте стояли производственные расходы, из которых большая часть приходилась на животноводство. Разные расходы, к которым относились налоговые отчисления, страховка, существенно отставали от предыдущих расходных статей крестьянского бюджета. Существовали некоторые не очень существенные различия в строении расходной части крестьянского бюджета, которые были связаны с региональными особенностями определенных территорий.

В третьем параграфе рассматриваются расходы на личное потребление крестьянской семьи. Большая часть личных расходов приходилась на питание крестьян. В среднестатистическом крестьянском хозяйстве Европейского Севера России до Первой мировой войны на расходы по питанию приходилось 85,1% от всей суммы личных расходов²⁸. В Северо-Двинской губернии в 1923/24 г. расходы на продукты питания составили около 85% от суммы, потраченной крестьянскими хозяйствами на личные расходы²⁹. В Череповецкой губернии в 1924/25 г. на питание было потрачено 68% от суммы расходов на личное потребление, в 1925/26 г. – 66%³⁰.

Отметим, что на протяжении 1920-х годов возросло потребление продуктов питания. Рацион крестьянской семьи изменялся не столько количественно, сколько качественно. Потребление продуктов растительного происхождения оставалось приблизительно на одном уровне, но увеличилось потребление продуктов животного происхождения, хотя растительная пища все же преобладала над животной³¹. Так, в Вологодской губернии в феврале 1922 г. на душу крестьянского населения приходилось в день 1254,7 г растительных продуктов, 231,4 г – животных и 16,4 г – соли, чая, кофе. В феврале 1926 г. растительных продуктов потреблялось 1305,1 г, животных – 410,6 г, соли, чая, кофе – 30,7 г³². Общий уровень питания из года в год повышался, что заметно по увеличению белков, жиров и углеводов. Нужно отметить, что при значительном улучшении питания сельских жителей – производителей продовольствия – к концу 1920-х годов наблюдалось значительное отставание их в качестве питания от горожан, часты были случаи недоедания.

Количество и качество питания крестьян отличались по разным регионам Европейского Севера России и социальным группам. Наиболее неравномерно распределялись продукты животного происхождения в зависимости от обеспеченности хозяйства скотом и птицей. Бескоровные хозяйства практически не видели молока, сливочного масла. Но и наличие скота и птицы вовсе не гарантировало того, что эти продукты попадали на стол крестьянской семьи. Наряду с продуктами земледелия значительная часть, а подчас и основная масса

²⁸ Рассчитано по: Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера)... – С. 26.

²⁹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 8 об., 9.

³⁰ Рассчитано по: Статистический справочник по Череповецкой губернии. – Череповец, 1926. – С. 106 – 107, 114 – 118.

³¹ ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 95. Л. 44, 111.

³² Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917 – 1924 гг.... – С. 247 – 250; Статистический сборник по Вологодской губернии за 1925 – 1927 гг. – Вологда, 1929. – С. 398 – 400.

мяса, яиц, молока и молочных продуктов шла на продажу, пополняя крестьянский бюджет денежными средствами.

К концу 1920-х годов наметились некоторые сдвиги в потреблении продуктов питания сельским населением Европейского Севера России в сторону молочных и мясных, но всё же продукты растительного происхождения (содержащие углеводы) имели решающее значение в питании крестьянства, что позволяет говорить о сохранении традиций крестьянского питания.

За годы нэпа существенно увеличилась доля расходуемых крестьянскими хозяйствами средств на спиртные напитки: в Череповецкой губернии в 1924/25 г. она составляла 2,5% от личных расходов двора, в 1925/26 г. – 4,9%³³. Среди личных расходов крестьян были затраты также на отопление, освещение и ремонт жилых построек, обувь, одежду, белье, мыло и парфюмерию, мебель, посуду и утварь, предметы культа и комфорта, религиозные потребности и др.³⁴

В четвертом параграфе рассматриваются хозяйственные расходы и налоги крестьянского двора. Хозяйственные расходы крестьянина состояли из расходов на приобретение семян, удобрение пашни, на содержание скота, на ремонт и приобретение сельскохозяйственного инвентаря и построек. Расходы на ведение сельского хозяйства, по данным бюджетных обследований, делились на несколько групп. Так, затраты на растениеводство включали в себя расходы на полеводство, луговоеводство, огородничество, садоводство. Большая часть расходов приходилась на полеводство. В Вологодской губернии в 1922/23 г. они составляли 23,1% от хозяйственных расходов, в 1923/24 г. – 26,1%, в Северо-Двинской в 1922/23 г. – 27,0%, в 1923/24 г. – 30,2% от всех хозяйственных расходов³⁵. Расходы же на луговоеводство составляли в Вологодской губернии в 1922/23 г. – 0,85%, в 1923/24 г. – 0,86%, в Северо-Двинской губернии в 1923/24 г. – 0,1% от хозяйственных расходов.

Хозяйственные затраты на скотоводство состояли из расходов на животноводство, птицеводство, пчеловодство. Данный вид расходов занимал основное место в хозяйственных расходах двора. Так, в Вологодской губернии в 1922/23 г. доля расходов на скотоводство составляла 70,4%, в 1923/24 г. – 63,3%, в Северо-Двинской губернии в 1922/23 г. – 71,8%, в 1923/24 г. – 66,1% от всех хозяйственных расходов двора³⁶.

Кроме этих затрат, имелись и общие расходы по ведению сельского хозяйства, которые состояли из расходов на аренду пашни и сенокоса, плату за наем рабочих, орудий труда, страховку скота и посевов³⁷. Общие расходы составляли в Вологодской губернии в 1922/23 г. – 5,7%, в 1923/24 г. – 6,4%, в Северо-Двинской губернии в 1922/23 г. – 1,3%, в 1923/24 г. – 2,9% от всех хозяйственных расходов³⁸.

³³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 2408. Л. 124, 135; Статистический справочник по Череповецкой губернии. – Череповец, 1926. – С. 106 – 107, 114 – 118.

³⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 8, 9 об.

³⁵ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 3 об.; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. ... – С. 277 – 287.

³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 3 об., 8 об., 9 об.

³⁷ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 12 А. Л. 48; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1937. Л. 37, 38.

³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 8 – 8 об.

Некоторая часть общих расходов приходилась на выплату арендной платы. Наибольшее количество арендованной пашни и сенокосов приходилось на Вологодскую губернию, наименьшее – на Северо-Двинскую. Самая высокая стоимость аренды пашни в 1926/27 г. была в АО Коми – 37,4 руб. в среднем за одну десятину. Самая дешевая аренда пашни и сенокосов была в Вологодской губернии – 5,7 руб. и 5,2 руб. соответственно³⁹. Наиболее же дорогостоящей была аренда сенокоса в Архангельской губернии – 19,2 руб.⁴⁰

Для крестьянских хозяйств большое значение имели величина налоговых отчислений, а также расходы по страхованию построек, скота и посевов. В 1919/20 г. в Череповецкой губернии на выплату налогов в среднем приходилось 6,9% от всех расходов крестьянского хозяйства⁴¹. Больше платили хозяйства, которые имели в пользовании больше земли. К середине 1920-х годов доля налогов в расходах двора снизилась. В 1925/26 г. в Череповецкой губернии налоговые сборы составили уже 1,8% от всех расходов, но нужно учитывать, что появились расходы по страхованию скота, посевов и строений, которые в большинстве случаев крестьянами воспринимались как налоги. Они составляли 0,5% расходов крестьянского хозяйства. В целом доля прямых и косвенных налогов, выплачиваемых среднестатистическим хозяйством Череповецкой губернии, в 1925/26 г. составляла 2,5% от всех расходов⁴².

В параграфе также рассматриваются вопросы найма рабочей силы⁴³. Так, в Архангельской губернии, по данным динамической переписи, в 1927/28 г. к найму прибегали 27,6% из 2057 обследованных хозяйств, что говорит о достаточно высокой степени его распространенности здесь⁴⁴.

Таким образом, на протяжении 1920-х годов в основном сохранялась традиционная структура хозяйственных расходов двора, где большая доля принадлежала затратам по содержанию скота. Особенностью периода являлось то, что в связи с разрешением аренды и найма рабочей силы в хозяйственных расходах крестьянского двора появляется данный вид затрат. Нужно отметить, что затраты среднестатистического крестьянского хозяйства на уплату налогов в 1920-е гг. снизились по сравнению с периодом подразверстки. Основное бремя по налогообложению ложилось на более крепкие хозяйства, так как для бедняцких хозяйств была введена система льгот по выплате налогов.

Вторая глава называется «Земля и имущество крестьянского двора Европейского Севера России в 1920-х годах».

В первом параграфе рассматриваются система землепользования и структура капитала крестьянского хозяйства.

По действующему в 1920-х годах законодательству земля не являлась собственностью крестьян, а значит и их имуществом. Крестьянское же отношение к данному обстоятельству было двойственным. С одной стороны, крестьяне

³⁹ ГАРФ. Ф. А. 374. Оп. 16. Д. 32. Л. 2, 4, 6, 8.

⁴⁰ Там же. Л. 1.

⁴¹ Материалы по статистике Череповецкой губернии. С. 40.

⁴² Статистический справочник по Череповецкой губернии. С. 106 – 107, 114 – 118.

⁴³ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1939. Л. 35.

⁴⁴ Там же. Д. 1937. Л. 39.

смотрели на землю, как на «дар божий», который не может быть превращен в частную собственность. С другой стороны, на Русском Севере до 1917 г. землевладение имело свои отличительные особенности: крестьяне могли осуществлять с землей сделки. Кроме этого, «в основной массе зажиточных селян сформировалось устойчивое представление о том, что возможно превращение земли в личное достояние»⁴⁵. Это отношение к земле, по мнению В.Л. Кукушкина, формировалось в том числе и потому, что крестьянам предоставлялись на льготных условиях и на длительный срок лесные расчистки.

Имущество крестьян, по терминологии 1920-х гг., составляло капитал крестьянского хозяйства. По мнению А.Г. Дербенева, Г.А. Студенского, А.В. Чаянова и других экономистов, крестьянское хозяйство располагало капиталом, который включал в себя стоимость жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственного, промыслового и транспортного инвентаря, рабочего и продуктивного скота, запасов продуктов и продукции лесного хозяйства⁴⁶. Исходя из этого подхода, ЦСУ проводило обследования крестьянских хозяйств.

В начале XX века на Европейском Севере России на капитал, обслуживающий хозяйственную деятельность, приходилось около 45% капиталов двора⁴⁷. Соответственно стоимость имущества, обслуживавшего личные потребности, составляла 55%. Большая часть капитала приходилась на постройки. Хозяйственные постройки составляли 21,5%, жилые – 23,0% от всего капитала среднестатистического крестьянского двора. Капиталы, размещенные в стоимости скота, составляли в начале века 15,5%, в хозяйственном инвентаре – 8%. В 1922/23 г. в Вологодской губернии капиталы, состоящие из стоимости построек, составляли 63,9%, в Северо-Двинской губернии – 49,8%. В стоимости скота и птицы было размещено в Вологодской губернии – 18,4%, в Северо-Двинской – 27% капитала, в стоимости сельскохозяйственного инвентаря в Вологодской губернии – 4,9%, в Северо-Двинской губернии – 8,3%⁴⁸. В 1925/26 г. в Череповецкой губернии капиталы, размещенные в стоимости построек, составляли 48,8%, в стоимости скота и птицы – 30,0%, в стоимости сельскохозяйственного инвентаря – 10,7%⁴⁹. В 1927/28 г. в Архангельской губернии капиталы, состоящие из стоимости построек, составляли 65,3%, из стоимости скота и птицы – 25,4%, из стоимости сельскохозяйственного инвентаря – 9,3% от всех капиталов двора⁵⁰. В 1929 г. по Северному краю строение капитала крестьянского хозяйства было

⁴⁵ Кукушкин В. Л. Социальный протест крестьянства Европейского Севера России в 1918 – 1920-х гг. (на материалах Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний) // Дисс.... канд. ист. наук. – Вологда, 2002. – С. 24 – 25.

⁴⁶ Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство Северо-Двинской губернии в 1923-24 году на основе изучения его бюджета. – Великий Устюг, 1925. – С. 5; Студенский Г.А. Организация крестьянского хозяйства // Крестьянская сельскохозяйственная энциклопедия. Т. 2 – 3: Экономика и благоустройство деревни. – М.; Л., 1925. – С. 410 – 411; Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М., 1989. – С. 362 – 363.

⁴⁷ Рассчитано по: Деларов Д.И. Крестьянское хозяйство Северной области (скот и его роль в крестьянском хозяйстве Севера)... – С. 19.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 907. Л. 2 – 2 об.; Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г.... – С. 11 – 15, 204 – 207.

⁴⁹ Статистический справочник... – С. 92 – 97.

⁵⁰ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1937. Л. 21.

следующим: в жилых постройках – 39,0%, в скоте, птице и пчелах – 32,6%, в хозяйственных постройках – 21,0%, в сельскохозяйственном инвентаре – 5,0%, в промысловом инвентаре – 1,7%, в промысловых постройках – 0,7% от всех капиталов крестьянского хозяйства⁵¹.

На протяжении 1920-х годов в крестьянских хозяйствах Европейского Севера увеличивалось количество капитала в расчете на среднестатистическое хозяйство. В большинстве случаев наблюдалось увеличение вложений капитала в скот и птицу. Капитал, вложенный в постройки, превышал долю капитала других видов.

Во втором параграфе рассматривается обеспеченность крестьянских хозяйств постройками на Европейском Севере России в 1920-х годах. Среди крестьянских строений различались жилые и хозяйственные. На территории Европейского Севера России к XX веку сформировалось несколько вариантов жилищ. Каждый из локальных вариантов крестьянского жилища был приспособлен к определенной природной зоне, но в то же время они имели много общего. Хозяйственные постройки были сельскохозяйственные и промысловые⁵². Промысловые постройки встречались достаточно редко. Сельскохозяйственные же постройки были нужны каждому земледельцу. Состав сельскохозяйственных построек в свою очередь определялся типом организации сельскохозяйственного производства. В зерновом хозяйстве были необходимы амбары и риги, плодосеменное хозяйство с корнеплодным кормлением скота нуждалось в погребах⁵³. Характер скотного двора зависел от направления животноводства. Двор, где были расположены помещения для скота, хранения кормов, сельскохозяйственных орудий и транспорта, находился всегда рядом с жилыми помещениями.

Увеличение сельскохозяйственной продукции и скота, происходившее в 1920-е гг. одновременно с ростом посевной площади, вызывало расширение и улучшение хозяйственных построек, но все же больше возрастала ценность жилых построек под влиянием роста семьи и увеличения общего благосостояния хозяйств. Бытовая привычка к хозяйственным постройкам определенного размера обуславливала в малопосевных хозяйствах недостаточную их использованность. Это в свою очередь являлось причиной отсутствия у более крупных хозяйств потребности в расширении хозяйственных построек в той же мере, в какой они улучшали жилую площадь. Расходы малопосевного крестьянского хозяйства как на хозяйственные, так и на жилые постройки оказывались более обременительными на единицу площади, чем в более крупном хозяйстве⁵⁴. В первой половине 1920-х гг. количество построек увеличивалось. Так, в Вологодской губернии, по данным выборочной переписи, было обследовано 358 хозяйств. В них в 1916 г. имелось жилых построек 343, хозяйственных – 558, в 1923 г. жилых построек – 366, хозяйственных – 590⁵⁵.

⁵¹ ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 80 – 80 об.

⁵² Шангина И.И. Русский традиционный быт. – СПб., 2003. – С. 15.

⁵³ ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 11 об. – 24.

⁵⁴ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 65. Л. 58.

⁵⁵ Там же. Ф. 1153. Оп. 7. Д. 79. Л. 11 об., 12 об., 13 об., 14 об., 15 об., 16 об., 19 – 24.

В 1920-е годы кардинальные изменения не коснулись крестьянских построек. Продолжали строить старыми способами по типу традиционных изб. Хотя стоит отметить, что крепкие хозяйства старались усовершенствовать свои жилища. Усматривалось некоторое влияние города. Так, этнографы отмечали, что двускатные крыши заменялись трехскатными с мезонином, из которого был выход на балкон⁵⁶. У зажиточных крестьян дома были под железными крышами. Сам дом ставился на кирпичный фундамент. Эти изменения отражаются в материалах обследований крестьянских хозяйств. В перечень затрат на строительные материалы в 1926/27 г. входят расходы на приобретение кирпичей, железа, гвоздей, красок, оконных стекол и т. д. Обследованные 180 хозяйств Северо-Двинской и Вологодской губерний по данным статьям несли наибольшие расходы – 806,8 руб., в Архангельской губернии и АО Коми обследованные 115 хозяйств – 793,9 руб.⁵⁷ Преимущественно строились дома-пятистенки. Количество комнат в домах увеличивалось. Но наряду с такими домами продолжали существовать и крестьянские дома старого типа – изба с двором под одной крышей. Сохранялись и черные избы с двухэтажными дворами.

Таким образом, наличие крестьянских построек в 1920-х гг. на Европейском Севере России, их размеры, внешний облик, материалы, из которых было сделано строение, и его состояние могут показать нам имущественное положение крестьянской семьи, так как основная часть капиталов, обслуживающих хозяйство крестьян, помещалось именно в постройках.

В третьем параграфе рассматривается обеспеченность крестьянского хозяйства рабочим и продуктивным скотом и птицей. Нужно отметить, что животноводство на Европейском Севере России в начале XX века традиционно играло подсобную роль по отношению к полеводству и главным образом обеспечивало хозяйство тягловой силой, продуктами питания и навозом. Исключением были лишь районы товарного животноводства, в которых произведенная продукция шла на продажу.

Рабочий скот для северного хозяйства имел большое значение. С одной стороны, это был единственный источник двигательной силы всей хозяйственной деятельности. С другой стороны, при отсутствии железных дорог и с прекращением зимой функционирования водных путей лошадь служила главным средством транспортировки грузов. Сокращение количества рабочего скота за годы войны и революции на Севере не имело катастрофических масштабов. В Северо-Двинской губернии в 1920 г. число лошадей (110 117) в среднем сократилось на 8% по сравнению с 1917 г. (119 333)⁵⁸. С 1921 г. поголовье рабочего скота стало медленно расти, и к 1924 г. его численность превзошла уровень 1916 – 1917 гг., составив 124 288 голов. Такие же процессы проходили в Вологодской, Архангельской, Череповецкой губерниях, АО Коми⁵⁹.

⁵⁶ Власова И.В. Дорогами земли Вологодской. (Этнографические очерки). – М., 2001. – С. 150.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 2408. Л. 134 – 135.

⁵⁸ Бачурихин А.Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. – Великий Устюг, 1927. – Вып. IV. – С. 57.

⁵⁹ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 65. Л. 26; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1937. Л. 10, 21; ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 279. Л. 26.

Аналогичные процессы происходили и с крупным рогатым скотом. В Северо-Двинской губернии в 1916 г. количество голов составляло – 293 075, в 1920 г. – 212 300, в 1924 г. – 294 770 голов⁶⁰. В 358 обследованных крестьянских хозяйствах Вологодской губернии в 1916 г. крупного рогатого скота было 651 голова, не имели его 79 хозяйств. В 1923 г. в таком же количестве обследованных хозяйств содержалось 785 голов, не имели крупного рогатого скота 24 хозяйства⁶¹. Восстановительные процессы в данной отрасли крестьянского хозяйства Вологодской губернии шли несколько медленнее. Так, к 1924 г. поголовье крупного рогатого скота составляло 98,6% от уровня 1916 г.⁶² В Архангельской губернии, по данным динамической переписи, во второй половине 1920-х гг. заметно некоторое уменьшение поголовья крупного рогатого скота. Так, в 1925/26 г. в обследованных 1972 хозяйствах содержалось 2609 коров, хозяйств без коров было 180. В 1927/28 г. было обследовано 2057 хозяйств, в них было коров 2475, хозяйств без коров насчитывалось 243. Сокращалось количество многокоровных хозяйств: в 1925/26 г. с тремя коровами было 91 хозяйство, в 1927/28 – 65, с четырьмя – 18 и 9 соответственно⁶³.

Количество мелкого скота (овец, коз и свиней) в годы войны и революции резко сократилось, восстанавливалось же сравнительно медленно. Кроме этого, восстановление происходило неравномерно, и отмечались то резкое возрастание численности, то уменьшение. Так, количество овец в Северо-Двинской губернии в 1916 г. составляло 204 650, в 1917 г. – 219 288, в 1920 г. – 131 696, в 1924 г. – 303 407 голов. В Вологодской губернии в 1916 г. количество овец было 367 536 голов, в 1917 г. – 380 939, в 1920 г. – 266 147, в 1924 г. – 467 634 головы. В Вологодской губернии в 1916 г. количество коз было 118 голов, в 1917 г. – 191, в 1920 г. – 221, в 1924 г. – 470 голов; количество свиней в 1916 г. было 16 299 голов, в 1917 г. – 17 492, в 1920 г. – 7044, в 1924 г. – 12 220 голов⁶⁴.

Крестьяне Европейского Севера России занимались и птицеводством, в основном разводили кур. В Вологодской губернии с 1916 г. по 1920 г. в 358 обследованных хозяйствах численность кур стабильно увеличивалась – в 1916 г. их было 748, в 1920 г. – 871, в 1923 г. – 1001. В Северо-Двинской губернии с 1920 по 1924 г. их число уменьшилось (с 310 578 до 239 374)⁶⁵.

Восстановление животноводства после окончания Гражданской войны было задержано из-за голода и бескормицы 1921 г. Оно началось с 1923 г. и проходило довольно активно. В течение всего двух лет поголовье крупного и мелкого продуктивного скота на Европейском Севере не только сравнялось с предреволюционным уровнем, но даже стало превышать эти показатели. Однако к концу 1920-х гг. наблюдалось снижение поголовья крупного и мелкого скота. Тот скот, который оставался в единоличном пользовании, частично забивался на мясо

⁶⁰ Бачурихин А.Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии... – С. 53.

⁶¹ ВОАНПИ. Ф. 1153. Оп. 7. Д. 79. Л. 11 об., 12 об., 13 об., 14 об., 15 об., 16 об., 19 – 24.

⁶² Там же. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 65. Л. 26.

⁶³ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1937. Л. 21.

⁶⁴ ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 8. Д. 65. Л. 26.

⁶⁵ Там же. Ф. 1153. Оп. 7. Д. 79. Л. 11 об., 12 об., 13 об., 14 об., 15 об., 16 об., 19 – 24; Бачурихин А.Н. Обзор состояния сельского хозяйства Северо-Двинской губернии... – С. 60.

для нужд своего хозяйства, а частично продавался на рынке. Перед самым вступлением хозяйства в колхоз весь скот чаще всего распродался, и крестьяне старались вступить в колхоз без скота.

Таким образом, в первой половине 1920-х годов в крестьянских хозяйствах шло активное восстановление поголовья скота. В середине 1920-х годов наблюдалось снижение темпов роста поголовья скота, которое объяснялось тем, что в основном стадо было восстановлено в своем довоенном объеме, и животноводство стало обеспечивать потребительские и производственные надобности крестьянства. Наступил предел возможностей развития индивидуального крестьянского хозяйства. В конце 1920-х годов наблюдалось уменьшение количества скота в хозяйствах, что было связано с началом курса на коллективизацию.

В четвертом параграфе рассматриваются орудия труда и домашнее имущество крестьянского хозяйства, а также обеспеченность крестьян личными вещами.

Каждое крестьянское хозяйство имело определенный набор орудий труда и транспортных средств, предназначенных для работы на земле. В перечень орудий труда, как правило, входили орудия для пахоты, сеяния, для уборки урожая, для обмолота, веяния и т. д. В начале XX века на Европейском Севере России (в Олонецкой, Вологодской, Архангельской губерниях) преобладали примитивные орудия: сохи – 308 064 шт., косули – 67 009 шт., плуги – 24 021 шт. (в это количество входили как деревянные – 21 716, так и железные – 2305 шт.)⁶⁶. Основным орудием рыхления были деревянные бороны с деревянными зубьями – 337 953 шт., железных борон было – 1635 шт. Земледельческих машин в крестьянских хозяйствах Европейского Севера России было крайне мало (молотилок ручных, конных и паровых – 1807 шт. и веялок – 4364 шт.). К концу 1920-х годов положение существенно изменилось. На Европейском Севере России примитивные сельскохозяйственные орудия заменялись более совершенными, и к 1928 г. на большей части исследуемой территории плуг имел численное превосходство над сохой, сабаном и косулей. Так, из 150 374 крестьянских хозяйств Вологодского округа не было пахотного инвентаря в 40 947 хозяйствах. Сох было 18 434 шт., косуль и сабанов – 7176 шт., плугов – 88 678 шт.⁶⁷ Кроме того, крестьяне использовали специальные механизмы и приспособления для переработки зерна в крупу и муку, семян льна и конопли в масло, их стеблей – в волокно и затем в нити и ткани. К концу 1920-х годов в крестьянских хозяйствах Европейского Севера России больше стало и различных механизмов. Так, в АО Коми в 1928 г. сеялок было 90 шт., жнеек – 12 шт., сенокосилок – 115 шт., конных грабель – 210 шт., конных молотилок – 94, веялок и сортировок – 384 шт.⁶⁸ Нужно также отметить отличительные особенности крестьянских хозяйств Архангельской губернии, которые преимущественно занимались промысловой

⁶⁶ Островский А.В. Сельское хозяйство Европейского Севера России 1861 – 1914 гг. – СПб., 1998. – С. 245, 247.

⁶⁷ ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 217. Л. 1 – 2.

⁶⁸ Там же.

деятельностью. В них в достаточно большом количестве присутствовал промысловый инвентарь: промысловые суда разного размера и мелкие орудия промысла⁶⁹.

Таким образом, в 1920-е годы на Европейском Севере России мы наблюдаем низкую техническую оснащенность крестьянских хозяйств, основанных преимущественно на ручном труде. Хотя нужно отметить, что к концу 1920-х годов плуг практически вытеснил соху и косулю из обихода крестьянских хозяйств. На основании этого мы можем говорить о некоторой технической модернизации крестьянских хозяйств 1920-х годов. Отметим, что в деревню, хотя и медленными темпами, начали проникать технические новинки, которые практически не встречались в мелких хозяйствах – основных производителях сельскохозяйственной продукции. Часто технические новинки были недоступны большинству крестьянских хозяйств из-за высокой их стоимости, с одной стороны, и низкой товарности хозяйства – с другой.

Крестьяне обладали и домашним имуществом, к которому относились одежда, обувь, посуда, домашняя утварь, мебель и т. д. Крестьянская традиционная утварь на всей территории расселения русского народа была однотипной. Имели свои местные варианты предметов утвари. Характерной особенностью было изобилие местных терминов, называющих по-разному один и тот же предмет.

Традиционный набор утвари сохранялся в крестьянском хозяйстве вплоть до конца 30-х годов XX века. Однако новые характерные для городского образа жизни вещи стали проникать в народный обиход гораздо раньше, еще в середине XIX века. Первоначально это была столовая утварь, особенно чайная. Вместе с самоваром в быт крестьян стали входить чайные чашки с блюдцами, сахарницы, молочники, чайные ложки⁷⁰.

Некоторые изменения внутреннего пространства крестьянского дома стали появляться в последней трети XIX века. В 1920-х гг. данный процесс продолжался. В крестьянских избах стали появляться часы-«ходики», фотографии, зеркала⁷¹, не свойственная для более раннего бытования крестьян мебель – шкафы, буфеты, стулья, диваны, а также швейные машины и т. д.⁷² Начали появляться в крестьянских хозяйствах и постельные принадлежности. Однако упоминания об их наличии встречаются крайне редко⁷³.

Одежда, обувь и головные уборы в 1920-е годы в основной своей массе сохраняли дореволюционный ассортимент и носили традиционные черты⁷⁴. Количество и качество одежды зависело от материального благосостояния крестьянского хозяйства. Следует учитывать, что цены на промышленные товары были намного выше, чем на сельскохозяйственную продукцию. Поэтому

⁶⁹ Там же. Д. 178^А. Л. 56; ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938. Л. 85.

⁷⁰ ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 18 об. – 19.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 346, Л. 73 об.; Д. 310^А. Л. 20 об., 101 об., 128 об., 180 об.

⁷² Там же. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 346, Л. 73 об.; 75 об., 76 об.; Д. 310^А. Л. 19 об., 46 об., 100 об., 127 об., 180 об.; Д. 315. Л. 72 об., 99 об., 126 об., 152 об., 205 об., 257 об.; Д. 359. Л. 42 об.; Д. 923. Л. 7 об.; ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 18 об.

⁷³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 9. Д. 346. Л. 78; Д. 359. Л. 75.

⁷⁴ ГАВО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 167. Л. 20 – 20 об.

крестьянская семья могла приобрести не так много промышленных изделий, в том числе для ведения домашнего хозяйства и для личного потребления и пользования. Наибольшее количество средств для приобретения промышленных товаров личного пользования крестьяне тратили на приобретение обуви, одежды, мануфактуры и галантереи. Так, крестьянскими хозяйствами Череповецкой губернии в 1923/24 г. на приобретение обуви было потрачено 18,7% от суммы, израсходованной на промышленные товары, в 1925/26 г. – 9,9%; на приобретение одежды мануфактуры и галантереи в 1923/24 г. – 18,2%, в 1925/26 г. – 25,3% от всех расходов, на мыло и парфюмерию крестьяне потратили в 1923/24 г. – 3,1%, в 1925/26 г. – 2,0% от расходов⁷⁵.

В заключении диссертации подведены основные итоги исследования и сделаны соответствующие выводы. Исходя из данных бюджетных обследований, структура доходно-расходной части крестьянских бюджетов оставалась практически неизменной по параметрам соотношения долей в доходах и расходах крестьянского двора. Соответственно мы можем говорить о сохранении традиционного уклада крестьянского хозяйства. Несмотря на это, происходят некоторые качественные изменения по оптимизации крестьянских расходов и распределения капитала двора в связи с переходом к новой экономической политике. Они повлекли за собой некоторые изменения в материальном положении крестьянского хозяйства Европейского Севера России в 1920-х гг.

Одним из важных моментов, характеризующих материальное обеспечение крестьянского хозяйства в 1920-х годах на Европейском Севере России, можно считать процесс увеличения количества капитала в среднестатистическом хозяйстве. Причем нужно отметить увеличение доли капитала, размещенного в скоте, птице и сельскохозяйственном инвентаре, но, с другой стороны, большая часть капитала крестьянского двора неизменно находилась в постройках.

На протяжении первой половины 1920-х годов наблюдалось активное восстановление поголовья скота в северной деревне. Вплоть до 1929 г. количество скота в регионе было близко к уровню 1925/26 г., когда был достигнут максимум.

В крестьянских хозяйствах стали использоваться улучшенные сельскохозяйственные орудия труда и машины. Бытовые же условия существования крестьянской семьи в 1920-х годах на Европейском Севере России были подвержены медленным качественным изменениям.

Данный период был последним в истории нашей страны, когда преобладал традиционный уклад жизни крестьянства. Этот период характеризовался наличием и численным превосходством мелкого крестьянского хозяйства. Крестьянское хозяйство велось семьей, основываясь на ее совокупном труде. Главную роль в устойчивости и жизнеспособности крестьянской семьи играло трудовое объединение ее членов. Основные рыночные мероприятия нэпа не получили значительного развития в северной деревне, а некоторое улучшение материального

⁷⁵ Статистический справочник по Череповецкой губернии на 1925 г.... – С. 157; Статистический справочник по Череповецкой губернии на 1926 г.... – С. 112; Статистический справочник 1927 г.... – С. 107.

положения крестьян имело относительный характер, свидетельствующий о кризисе аграрного общества в целом.

Статьи в ведущих научных журналах, включенных в перечень ВАКа:

1. Жукова В.С. Материальное положение крестьян Европейского Севера России в 1920-х годах (на материале Вологодской губернии) // Вестник Поморского университета. Серия "Гуманитарные и социальные науки". – 2006. – № 5. – С. 15 – 19.

Научные статьи:

2. Жукова В.С. Взгляды Д.И. Деларова на крестьянское хозяйство Европейского Севера России // Северная деревня в XX веке: Актуальные проблемы истории. – Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2003. – Вып. 4. – С. 60 – 67.
3. Жукова В.С. Питание вологодских крестьян в 1919 – 1927 гг. // Вузовская наука – региону: Материалы Первой общероссийской научно-технической конференции. – Вологда: ВоГТУ, 2003. – С. 626 – 629.
4. Жукова В.С. Образовательная политика государства в 1920-х гг. (на материалах вологодской деревни) // Крестьянство и власть на Европейском Севере России: Материалы научной конференции (г. Вологда, 6 – 7 февраля 2003 г.). – Вологда, Волог. филиал СЗАГС, 2003. – С. 127 – 135.
5. Кашенкова В.С. Крестьянские строения на Европейском Севере России в первой половине 1920-х гг. // Сборник научных работ к 50-летию М.А. Безнина. – Вологда: издательство ВГПУ «Русь», 2004. – С. 73 – 80.
6. Кашенкова В.С. Орудия труда в крестьянском хозяйстве Вологодской губернии в 1920-е гг. // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2005. – С. 266 – 271.
7. Жукова В.С. Структура капиталов, доходов и расходов крестьянского двора Европейского Севера России в 1920-х гг. // 1941 – 1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции 24 – 25 февраля 2005 г. – Вологда: ВГПУ, издательство «Русь», 2006. – С. 342 – 349.
8. Жукова В.С. Материальное положение и быт крестьян Европейского Севера России в 1920-х годах (на материале Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Часть 2: Материалы научной конференции 2 – 3 марта 2006 г. – Вологда; Молочное: ИЦ ВГМХА, 2006. – С. 142 – 149.